

Денис
Драгунский

Денис
Драгунский

Соседская
девочка



РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д72

Художник *Ирина Драгунская*

Драгунский, Денис Викторович.

Д72 Соседская девочка : [рассказы] / Денис Драгунский. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 448 с. — (Проза Дениса Драгунского).

ISBN 978-5-17-113297-2

В новом сборнике Дениса Драгунского ироничные, едкие, порой полные грусти и ностальгии рассказы, заметки о литературе, причудливые сны и наброски сценариев складываются в сложный пазл, в котором невзначай можно узнать соседскую девочку, первую любовь, лучшего друга, начальника или даже самого себя.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113297-2

© Драгунский Д.В.
© ООО «Издательство АСТ»

ну как же я тебя оставлю

ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ ВО ФРАЙБУРГЕ

Мы познакомились на Фейсбуке лет пять назад, кто к кому постучался, я уже не помню. Не знаю почему, но вышло так, что последние три года мы поздравляли друг друга в мессенджере. Рождество, Новый год, дни рождения. И еще я ее — 21 июля с Днем Бельгии. Она была бельгийка, то есть бельгийская подданная, а так — жила по всей Европе, то тут то там. Где и кем работала, не знаю; думаю, она и сама не знала толком. «Разные проекты». У меня, впрочем, было то же самое. Эти проклятые «проекты», деньги то густо, то пусто; а главное, в сорок два года я так и не мог ответить на простейший вопрос, от которого зависят все остальные моменты жизни: «кто я?»

Мне казалось, что она такая же. Я часто заглядывал к ней в профиль, смотрел ее фото. Там было много всякой ерунды, какие-то люди, звери, фуршеты, компании на пароходике на фоне краснокирпичного городка с флюгерами и старинными шильдами. Она всегда была общим планом, я скачивал эти фотографии и уве-

Денис Драгунский

личивал ее лицо. У нее были желтые прямые волосы до плеч, ровная челка до бровей, широковатые плечи — наверное, занималась спортом, плаванием скорее всего. И на ее милом, добром и даже красивом лице сквозь хохот с бокалом в руке читался тот же вопрос: «Вот мне тридцать четыре — а кто я?»

Прошлым летом мне случилось по делам одного проекта заехать во Фрайбург. Написал ей. Она ответила, что может туда заскочить, на один день, и будет счастлива со мной увидеться.

Я приехал в два часа пополудни, устроился в гостинице, это был чудесный старый «Парк отель пост», рядом с вокзалом и близко от центра, я был там лет пятнадцать назад, он был все такой же, но, кажется, потерял одну звезду. Бросив чемодан и быстро приняв душ, я раскрыл мессенджер и написал, что я здесь.

Она ответила через секунду, как будто бы она сидела с раскрытым айфоном и ждала моего письма; вечером она рассказала, что так оно и было: сидела в номере, вытянув ноги, положив айфон на колени, и глядела на экран.

Мы встретились в кафе у собора. Мы сразу узнали друг друга, заулыбались, и пожали руки, и даже слегка обнялись. У нее были соломенно-желтые волосы, светлые глаза и смуглая кожа. Папа швед, а мама итальянка. Перекусили, выпили по бокалу. Она была во Фрайбурге первый раз, а я — то ли второй, то ли третий. Сначала мы зашли в собор, потом я повел ее посмотреть Бертольда, потом Мартинстор, Швабентор, потом мы обошли улочки вокруг, любуясь знаменитыми фрайбургскими ручейками, *Bächle*, мощеными каменными канавками вдоль улиц, — а потом вышли к реке Драй-

зам... Я рассказал ей, что здесь был ресторан Шмитца, даже два, очень классные. Но мы их не нашли. Ужинали в какой-то «Волчьей норе». Мы с ней говорили по-английски. Болтали без умолку. Начало темнеть. Она смеялась. Я тоже смеялся.

Мы шли, держась за руки. Снова вышли к какому-то ручью. У нее глаза сияли. Мы поцеловались. «Вдруг ты женат?» — спросила она. «Я разведен три года назад. А вдруг ты замужем?» — «Нет, — сказала она. — Бойфренда у меня тоже нет». «Пойдем ко мне в гостиницу», — сказал я. «Нет. Мне стыдно, — сказала она. — Давай найдем какую-нибудь дешевую маленькую мебелирашку, *chambre garnie*, чтоб никто не узнал». Я дрожащими пальцами стал тыкать в айфон, ничего не находилось. «Ладно, — сказала она. — Пойдем ко мне». — «А ты где живешь?» — «В “Коломби”». — «Ого!» — сказал я. Это была чуть ли не самая дорогая гостиница Фрайбурга, и в двух шагах от моего «Парк отеля». Она засмеялась: «Иногда можно себе позволить. Тем более что всего один день. Даже меньше. У меня поезд в половине второго утра». — «Домой?» — спросил я. «Нет, в Гамбург и дальше в Орхус», — сказала она, сильно сжимая мою руку.

Пришли. Ах, ребята, ну что я буду рассказывать...

Потом мы лежали, раскинувшись на огромной постели, едва касаясь друг друга кончиками пальцев рук и ног; она шептала, как ей прекрасно, а я говорил, что люблю ее, а она говорила, что тоже, очень. Я говорил, что хочу жениться на ней. Она отвечала, что она хочет за меня замуж. Что наша встреча — это чудо. Это мы оба говорили, целовались и шептали: «чудо, чудо, чудо».

Потом я говорил, что мне надоели «проекты», надоело мотаться по городам и странам, что я хочу свое

Денис Драгунский

дело, у меня есть деньги, чтоб купить маленький, но готовый бизнес. Я даже готов пойти на службу, у меня отличное резюме, я могу претендовать на хорошую позицию, но неважно! Главное, мне хочется наконец ответить самому себе на простой вопрос: «кто я?» Надоело болтаться, как роза в океане. Она не поняла шутки, но засмеялась: «*Comme une rose dans l'océan!*» «Я хочу, чтоб у нас с тобой был дом, — сказал я. — Здесь, в Европе. Или в России. В России не так страшно, поверь! Или в Америке. Или даже на Тайване. Я люблю тебя. Я хочу жить с тобой в своем доме, в нашем доме». — «Ты чудо моей жизни, — сказала она. — Ты первый мужчина, который мне это говорит. Ты правда этого хочешь?» — «Правда!» — «Поцелуй меня еще...»

Потом зазвенел ее айфон. Надо было вставать и идти к поезду.

Я сидел в кресле и смотрел на нее голую, как она быстро и ловко укладывает свой чемодан. Потом она сбегала в душ, стала одеваться. Я тоже сполоснулся и натянул брюки. Вышли, она сделала чек-аут, и мы пошли пешком по Айзенбанштрассе к вокзалу, благо там всего метров пятьсот.

Мы долго целовались у вагона, кусая друг друга губы, мучая языки, бесстыдно обнимаясь и шепча друг другу какие-то клочки фраз: «ты... завтра... вместе... чудо... наш дом... только с тобой... люблю...»

Я вернулся в гостиницу. Зашел в номер, сбросил туфли, зажег свет, потом погасил — луна светила в окно. На столе стоял фаянсовый поднос, на нем — два яблока и маленькая бутылка вина: комплимент от гостиницы. Я сел в кресло, вытянул ноги, отвинтил пробку, налил вино в стакан, сделал два глотка, закусил яблоком.

Прошлым летом во Фрайбурге

Потом достал айфон. Захотелось написать ей: «Спокойной ночи, любимая, я уже скучаю». Наверное, она еще не успела заснуть.

Солнце мое, чудо мое, счастье мое.

Открыл Фейсбук, потом Вотсап, потом Вайбер, потом Инстаграм, потом еще что-то.

Она заблокировала меня во всех сетях и мессенджерах.

другой рассказ

НИЧЕГО НЕ БЫЛО, НИКОГО НЕ БЫЛО

— Это совпадение, — сказал писатель Сергеев. — Даже не совпадение, а просто ваши домыслы. Фантазии. Любой человек, когда читает рассказ или повесть, видит больше, чем написано. Из своих воспоминаний или из своих мечтаний, — он даже увлекся, объясняя. — Есть произведения, которые как бы распечатывают воображение читателя, заставляют его домысливать сюжет. И вы знаете, большинство моих текстов именно так-вы! — горделиво закончил он.

— При чем тут? Вы написали о моей маме! — сказала молодая женщина.

Она вчера позвонила Сергееву, представилась с именем-отчеством и фамилией и попросила, даже потребовала срочной встречи для очень серьезного разговора. Сергеев был немолод, но согласился. Встретились в кафе недалеко от его дома. Ей было лет тридцать, но она выговаривала ему как маленькому:

— Вы описали всё в мельчайших подробностях. Вывалили на публику все ваши отношения! Это просто подло. Скажите спасибо, что она умерла. Год назад.

Ничего не было, никого не было

— При чем тут спасибо? — возмутился Сергеев, а потом сказал: — Примите мои соболезнования, уважаемая Алиса Павловна... Но все это вам почудилось.

— Не Алиса, а Эльза Павловна. А лучше просто Эльза.

— Простите, Эльза Павловна.

— Просто Эльза, я же сказала!

— Хорошо. У меня, Эльза, не было никаких отношений с вашей мамой. Я не знаком с вашей мамой. Я не знаю, кто она.

— А что же вы тогда описывали? Кто эта женщина? Это она. А кто этот человек, который «я»? «Я пришел», «я сказал», «я обнял» и все такое? Кто? Ну, кто? Вы!

— Эльза! — сказал Сергеев. — Это всё вымышленные персонажи. А этот самый «я» — такой же вымышленный герой-рассказчик. Тут все выдуманно.

— Нельзя вот так все выдумать.

— Почему это нельзя? Еще как можно, все писатели так делают.

— Не надо! Все писатели пишут из своей жизни. Вам кажется, что вы выдумали, — а на самом деле вы всё берете из воспоминаний. Я вам точно говорю.

— А вы откуда знаете? Вы что, тоже, извините, писательница?

— Слава богу, нет. Просто знаю, и всё! Не отпирайтесь!

— Я не отпираюсь, — вздохнул Сергеев.

— Вот вы тут пишете про вашу с ней первую встречу. Что якобы это была Вена. Но я-то вижу, что это был Будапешт. Остров! Гостиница на острове, всё, прокол. Дальше. В Москве вы якобы ходили гулять в Сокольники, по набережной, ха-ха! Хотя на самом деле это был парк Горького, потому что набережная есть там! Где

набережная в Сокольниках, а? Дальше. Я видела интервью с вами, там вы стоите на фоне окна. Торчат ветки деревьев, то есть четвертый-пятый этаж, шестой в крайнем случае. А написано: «Мы стояли, обнявшись, у окна моей комнаты, во весь оком были бесконечные панельные дома, московская окраина, вид с пятнадцатого этажа». Какой еще пятнадцатый этаж, как вам не стыдно! И главное: «я звонил ей днем, между девятью и двумя, когда ее дочь-пятиклассница была в школе». А у меня именно в пятом классе была вторая смена, потому что в школе ремонт! Ну и вот это, просто стыдно: «она распустила свои темные волосы, длинные пряди упали на ее смуглые худые плечи». Мама была светленькая, с аккуратной такой стрижкой, очень белокожая. Не толстая, но уж не худая! То есть вы нарочно писали все наоборот, чтоб никто не догадался? Но я все сразу поняла.

Она говорила напористым полусшепотом, поставив локти на стол и близко-близко придвинувшись к нему.

Сергеев понял, что лучше со всем соглашаться и поскорее смыться.

— Да, — сказал он, изобразив смущение. — Да, вы правы. Я, в общем-то...

— Вот, — сказала Эльза и откинулась в кресле. — Ну, сознавайтесь!

Сергеев с ходу — профессионал все-таки! — сочинил историю о своем романе с красавицей-блондинкой. Они впервые встретились в Будапеште, в Москве назначили встречу в парке Горького. Потом он ее повел к себе, и они любили друг друга под шелест лип, заслоняющих окна, это было после обеда, пока ее дочь в школе, во второй смене.

Ничего не было, никого не было

— Похоже на правду, — сказала Эльза. — Но не очень.

— Почему? — обиделся Сергеев.

— Потому что вы с ней встретились в Петербурге. Познакомились еще в поезде. Когда ехали туда. У нее был билет на верхнюю полку, а у вас на нижнюю, и вы ей уступили место. Потом случайно встретились на канале Грибоедова, где прогулочные кораблики. А в Москве гуляли в Измайлове. А потом пошли в гостиницу — там стоят такие высокие башни. Корпус Альфа, корпус Бета и так далее. Взяли номер на пятнадцатом этаже. Вот откуда «бесконечные панельные дома во весь оком», поняли?

— Нет, — сказал Сергеев. — Не понял.

— Я тоже, — вдруг сказала она. — Потому что всё это неправда. Вы всё выдумали. Не было случайного знакомства, внезапной любви, свиданий тоже не было, ни у вас дома, ни в гостинице. Ничего не было!

— Ну, наконец-то! — выдохнул Сергеев. — Я вам уже целый час объясняю, что все это — литература. Художественный, так сказать, вымысел. Слава богу, дошло!

— Выдумка? — спросила Эльза.

— Выдумка, — подтвердил Сергеев.

— Прямо вот от первого до последнего слова?

— Да!

— Тогда зачем вы всё это выдумали про мою маму?

— Да не знал я вашу маму!!! — заорал Сергеев.

— Юпитер, ты сердисься, — сказала Эльза. — Значит, ты неправ.

— Хорошо, хорошо! — сказал уставший Сергеев. — Когда-то давно я был в нее влюблен. Я ее любил, а она играла мною. Моими чувствами. Приманивала и отталкивала. Потом бросила. А потом я решил как бы ото-

Денис Драгунский

мстить. Написал рассказ, что она ко мне бегаёт от мужа. Нравится?

— Вполне, — сказала Эльза. — Ну и, чтоб поставить точку: как ее звали?

— Лена, — сказал Сергеев, чтоб не ошибиться. — Если я, конечно, не забыл.

— Какая еще Лена? — всплеснула руками Эльза. — У вас что, склероз? Вы же еще не такой старый!

— И зачем это я вас слушаю? — сказал Сергеев, вставая. — Сразу послать бы вас к черту.

— И зачем это вы меня слушаете? — иронично отозвалась Эльза, не трогаясь с места. — Сразу бы послали меня к черту! А вы на вопросы отвечаете, оправдываетесь... Значит, точно что-то было!

Сергеев чуть не заплакал.

— Не расстраивайтесь! — почти сочувственно сказала Эльза. — У вас есть с собой какой-нибудь блокнотик и авторучка? Отлично. Сейчас я вам все расскажу, как это было на самом деле. Готовы?

— Готов, — сказал Сергеев.

— Тогда начали, — сказала Эльза. — Значит, шестнадцатого июня одна тысяча девятьсот девяносто... — Вдруг у нее тенькнуло сообщение в айфоне. Она покосилась на айфон и вскочила, подхватив сумочку и плащ. — Ой, простите, я должна бежать!

— Куда же вы? — крикнул Сергеев ей вслед. — Пойдите! — Отбой! — на ходу крикнула она. — Наплевать и забыть!

Сергеев махнул рукой, засмеялся, посмотрел ей вслед, покрутил пальцем у виска, позвал официанта, расплатился, допил кофе — и вдруг всё вспомнил.

проводи меня до дому

ПЯТЬ СЕКУНД И ДВА ЧАСА

На днях сидел в кафе с одной своей знакомой. Пообедали. Потом попросили чаю. Простого, зеленого, классического. Официант спросил: «Десертики будете?» Я сказал: «Дайте меню», он принес тяжелую кожаную папку, раскрыл на нужной странице, забормотал: «черный лес, эстерхази, тирамису, эклерчики». Я спросил: «Возьмешь пирожное?» Она помолчала, подумала — долго думала, секунд пять, — но потом покачала головой и сказала: «Пожалуй, всё-таки нет».

Я не удержался и спросил:

— Скажи, а вот ты, когда сделала паузу, ты на самом деле думала, брать пирожное или не брать? Или ты уже заранее знала, что не будешь, и только сделала вид, что раздумываешь?

— Нет, — сказала она. — Я честно размышляла. Я хотела сладкого. Но потом решила, что лучше сдержаться.

— Понятно, — сказал я. — Тогда позволь еще вопрос. Интимный. Ладно?

— Валяй, — сказала она и посмотрела на меня поверх очков.